

Польские
Краков

Национальный Старый театр им. Х. Моджеевской

Гастроли

Взр. клуб. - 1994 - 299ек. - 4

«Венчание» — польская головоломка для московских обывателей

Москвичам представилась возможность, почти безнадежная, вникнуть в один из бессмертных трудов Витольда Гомбровича, чьи произведения не поддаются классификации, несмотря на все старания литературо- и театроведов заклеить их как продукт театра абсурда. Пьеса «Венчание» довольно часто встречается в репертуаре современных польских театров, а к нам ее привез краковский Национальный Старый театр им. Хелены Моджеевской.

Говорят, Гомбрович очень не любил театр абсурда и многократно полемизировал с его сторонниками. В своем творчестве он пошел еще дальше, творя в замкнутой, самодостаточной форме, не подразумевающей смысловых открытий и откровений. И начисто лишенной этой специфичной многозначительности, которая стоит за театром абсурда. Смысл последнего бывает наивный, примитивный и мудреный, но в конечном счете обычно проявляющийся.

Идея «Венчания» Гомбровича надежно скрыта от случайных наблюдателей и требует особого упорства и вретения, чтобы ее обнаружить. В Кракове спектакль ходят смотреть по 5 — 6 раз... Впрочем, автор на это не рассчитывал. Он слыл категорическим индивидуалистом, а потому мысль о зрительском восприятии не должна была его мучить. Так что экзальтации в зале чехословацкого МХАТа, где гостил польский Старый театр, замечено не было.

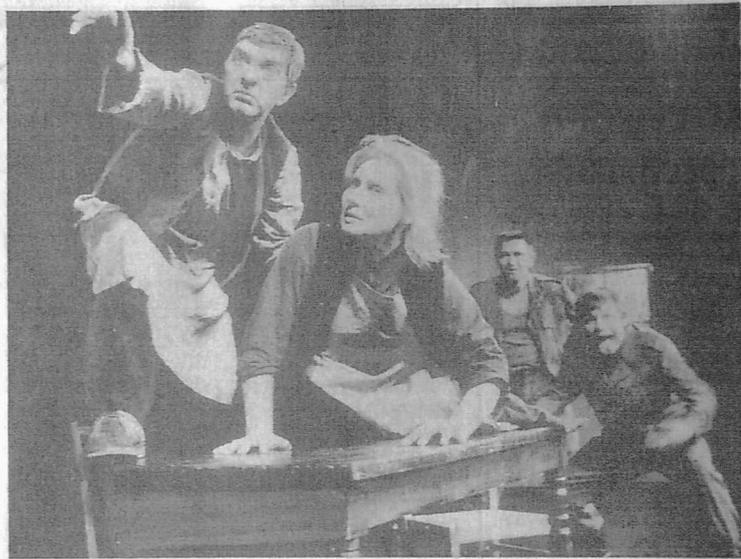
«Венчание» — это драма формы. В центр поставлены не проблемы персонажей и не их соображения, а конфликт человечества с самой формой. И именно это противостояние изучал Гомбрович в пьесе: «Если бы в пьесе Шекспира кто-то обогнал своего отца «свиньей», драма заключалась бы в том, что сын оскорбил отца, но если подобное случается в «Венчании», то драма происходит между тем, кто кричит, и его собственным

криком... так как этот крик может прозвучать хорошо или плохо, способствовать возвышению того, кто его произвел, или, напротив, вернуть его в бездну стыда и позора». А слово «свинья», надо сказать, муссируется почти всеми актерами, и делается это с таким вкусом, что выглядит просто удовольствием перехватить в гортани шипящие змеиные, мокрые звуки, подержать их на кончике языка и выплюнуть вместе с подобающей порцией темперамента.

Договориться с собой сложнее, чем с другими. А уж примирить себя с собственными постулатами — просто беда. От которой, по идее, должны выступить слезы, если бы не нарочитая искусственность, создаваемая нормальным человеческим языком и тоном, в котором нет даже намек на сумасшествие.

Постановщик спектакля Ежи Яроцкий придает театру чистой формы особую прелесть, удерживая происходящее на грани здравого разума и безумия, смешного и ужасного, торжественного и удручающего. Справиться с проблемой перспективы в театре ему помог художник Ежи Юк-Коварский. Вместе им с поддулающей бесхитростностью удалось расставить или рассадить актеров так, что мхатовская сцена казалась бесконечной.

Исполнители интерпретировали человеческие пороки и добродетели в чистом и смешанном виде. Главный герой —

Генрик (Ежи Радзивиллович) превозносит в трактире перед пьяницами своего отца (Ежи Треля), делая его Королем, чтобы тот возвратил его возлюбленной Мане (Дорота Сегда) невинность и обвенчал их.

С особым упоением выплеснута предшествующая преображениям сцена домогательств обитателей трактира к служанке Мане, движущейся в каком-то сверхъестественном ритме. Переплетая греховные страсти тела и стыдливые порывы души красиво и цензурно и приближая самую грязную по содержанию сцену к формам высокого искусства.

А дальше опять все скатывается к пародии и фарсу. Генрик сам становится Королем, сам хочет обвенчать себя и заставляя подданных «наполнять» его божественностью. Идея стать Богом для самого себя так же навязчива, как и идея венчания. Его друг Владэк (Шимон Кушмидер), исполняя волю Генрика, страдающего ревностью, накладывает на себя руки. На свадьбу выносят труп. Генрик в

конце концов приказывает заключить себя в тюрьму. Плюс масса не менее правдоподобных под конец сюжетов, которые нормальные, даже будничные. И дело, наверное, не в том, что это сумбурное нагромождение событий выдается под видом сновидений Генрика. Даже самая откровенно-искусственная театральность берет начало от реальной действительности. Старый театр в этом спектакле, ни разу не изменив «реалистическим» методам сценического изображения, так далеко ушел от реальности, как не удавалось многим создателям театра абсурда в зрелом и чистом виде. И увел за собою зрителей, оставив на их совести все логические головоломки и выводы.

Ирина КОРНЕЕВА.

На снимке: сцена из спектакля. Отец — Ежи Треля, мать — Данута Максимо-вич, Генрик — Ежи Радзивиллович, Владэк — Шимон Кушмидер.